

Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных¹

Е. А. Тянина²

Амулеты из зубов и костей животных являются одной из древнейших категорий культовых предметов. Их появление восходит к каменному веку и тесно связано с тотемизмом — системой первобытных религиозных верований, в основе которой лежало поклонение тотему — животному, считавшемуся первоначально родоплеменного коллектива. В материальной культуре тотемизм проявлялся в изображениях почитаемого животного, а также в использовании в качестве оберегов частей его тела (Голубева, 1997. С. 156–157). Ношение такого амулета не только передавало человеку силу, ловкость или плодовитость зверя, но и обеспечивало магическую связь между человеком и его предком-животным.

Однако бытование амулетов из зубов и костей животных намного переживает и первобытный общественный строй, и тотемизм как один из вариантов первобытного религиозного мировосприятия. Об этом свидетельствуют многочисленные находки просверленных зубов, когтей и костей животных в слое раннесредневековых памятников Восточной Европы, в том числе и древнерусских городов. В контексте средневековой духовной культуры эту категорию предметов языческого культа принято считать угасающим пережитком первобытной эпохи, сохранившим лишь общие расплывчатые представления об охранительной силе части тела либо изображения того или иного животного (Там же. С. 156; Воронин, 1941. С. 149). Но в какой степени средневековые амулеты из костей и зубов животных связаны с тотемистическими представлениями глубокой древности? Со-

хранялась ли вера в их апотропеическую силу лишь в качестве туманного архаизма, истинный смысл которого был утрачен, а люди, носившие эти амулеты, не понимали их значения? Или речь идет о переосмыслении древней традиции, и эту категорию амулетов следует считать неотъемлемой частью языческой культуры более позднего периода?

Основная масса амулетов из зубов и костей животных известна по погребениям на широкой территории Древней Руси IX–XI вв. Но для понимания указанных выше процессов новгородская коллекция амулетов представляется не менее значимой. Во-первых, изучение данной категории амулетов в культурном слое поселения позволяет выявить широту распространения и значение их не только как погребального атрибута, но и как оберегов, использовавшихся при жизни. Во-вторых, новгородская коллекция амулетов представляет собой элемент городской культуры, то есть ту часть средневековой культуры Руси, где пережитки первобытного мировосприятия должны были утрачиваться быстрее. Работа по исследованию новгородских амулетов из зубов животных уже была проделана автором по материалам Троицкого раскопа. Ее итоги показали, что эта категория предметов языческого культа была популярна среди населения Людина конца в языческое время и первые десятилетия после принятия христианства, затем количество амулетов резко сокращается, однако нельзя говорить о полной утрате веры в магическую силу этих предметов. Лишь с начала XIII в. их находки становятся единичными. Это же исследование показало, что наибольшей популярностью у населения Людина конца пользовались амулеты из клыков кабана и медведя (Тянина, 2009. С. 380–383). Для продолжения работы были привлечены материалы с других раскопов Новгорода, а также амулеты из костей животных, не вошедшие в прежнее исследование.

На сегодняшний день археологическая коллекция Новгорода насчитывает 188 отдельных эк-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-06-00164а) «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение».

² Россия, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ. Исторический факультет.

© Е. А. Тянина, 2011

земляров амулетов и два достоверных комплекса, состоящих, соответственно, из 2 и 9 предметов. Из них 140 амулетов изготовлены из клыков, 19 — из зубов (резцы и моляры), 2 — из когтей, 33 — из костей животных. Пять предметов неопределены из-за фрагментации или утраты.

Основную массу амулетов из зубов и костей животных, безусловно, можно отнести к личным апотропеям, то есть носимым человеком при себе для магической защиты или в благопожелательных целях. Этот вывод подтверждается и материалами погребений. Такие амулеты имеют отверстия для ношения. Они могли носиться на шею (одиночно либо в составе ожерелья), прикрепляться к поясу или нашиваться за отверстие на одежду. Отверстие просверливалось по центру или по краю амулета. На трех клыках было обнаружено по два отверстия. Возможно, за них амулеты нашивались на одежду, либо мы имеем дело со «следами починки», так как два из трех указанных предметов были сломаны по линии одного из отверстий. Визуальное наблюдение выявило, что некоторые амулеты, обколотые в древности, продолжали носить и после повреждения. На местах сломов прослежены характерные следы залощенности, которые могли появиться в результате трения об одежду или тело при длительном ношении. Четыре экземпляра амулетов являются заготовками, так как отверстия в них просверлены не до конца.

В этнографической литературе имеются данные и об иных формах использования некоторых типов амулетов из зубов и костей животных. В частности, их применяли в качестве оберегов стойла или детской колыбели либо использовали в лечебной и отгонной магии (*Левкиевская*, 2002. С. 79; *Гура*, 1997. С. 65). В этом случае амулет не носился, а помещался внутрь охраняемого объекта или рядом с ним. Обереги такого рода обнаружить археологически крайне сложно, так как они могли не иметь отверстия и ничем не отличаться от просто попавшего на усадьбу клыка либо когтя животного (например, с охотничьей добычей). Возможно, такое применение имели три новгородских амулета, на которых отверстие заменено пропиленными в кости небольшими желобками для шнура или веревки. Предмет с подобным креплением при ношении на себе непременно бы выскользнул и потерялся, чего нельзя сказать, если бы он был просто подвешен в хлеву или в доме.

Амулеты из зубов и костей животных встречаются на территории средневекового Новгорода повсеместно. Их удалось обнаружить на 12 раскопах

Новгорода, расположенных в Людином, Неревском, Славенском и Плотницком концах. Наиболее значительная коллекция происходит с Троицкого раскопа, здесь обнаружено 113 предметов. На Неревском раскопе было найдено 57 амулетов. Девять экземпляров происходят с Федоровского раскопа, на Ильинском раскопе обнаружено 8 амулетов. По 2 амулета выявлено на Кировском, Лубяницком и Дмитровском раскопах. По одному экземпляру — на Суворовском, Тихвинском, Нутном, Десятинном-II и Никитинском раскопах.

Анализ хронологического распределения амулетов из зубов и костей животных в целом подтверждает тенденцию постепенного сокращения бытования предметов языческого культа в Новгороде, которая была прослежена при исследовании амулетов с Троицкого раскопа (рис. 1, 1). Наибольшее количество амулетов приходится на языческое время — слои второй половины X в. Примерно на рубеже X—XI вв. общее количество находок резко падает, что, безусловно, маркирует время принятия христианства. Однако на протяжении XI—XII вв. можно проследить некую стабилизацию интереса горожан к амулетам из зубов и костей, в пределах этих двух столетий их количественные характеристики с учетом статистической погрешности остаются неизменными. То есть христианизация существенно снизила интерес к этой категории предметов языческого культа в Новгороде, но они все равно сохраняли популярность и в первые века после крещения. Лишь к первой половине—середине XIII в. количество амулетов из зубов и костей вновь начинает сокращаться, а в XIV—XV вв. их находки можно назвать спорадическими. Если сравнивать хронологию описываемых предметов с другими категориями языческих оберегов Новгорода, то можно выявить существенное своеобразие. С одной стороны, эта категория амулетов не исчезает к началу XII в., как большая часть амулетов из цветного металла (*Покровская*, 2006. С. 107), с другой стороны, в графике их хронологического распространения не фиксируется подъема во второй половине XIII в., характерного для таких категорий, как «громовые орудия» и полые шумящие амулеты-коньки.

Таким образом, традицию использования зубов и костей животных в качестве амулетов в Новгороде можно назвать устойчивой. Они не только пользовались популярностью в городской среде, но в значительной мере сохранили ее даже в христианское время. О постепенной утрате интереса к этой разновидности предметов языческого культа можно говорить лишь в позднесредневековую

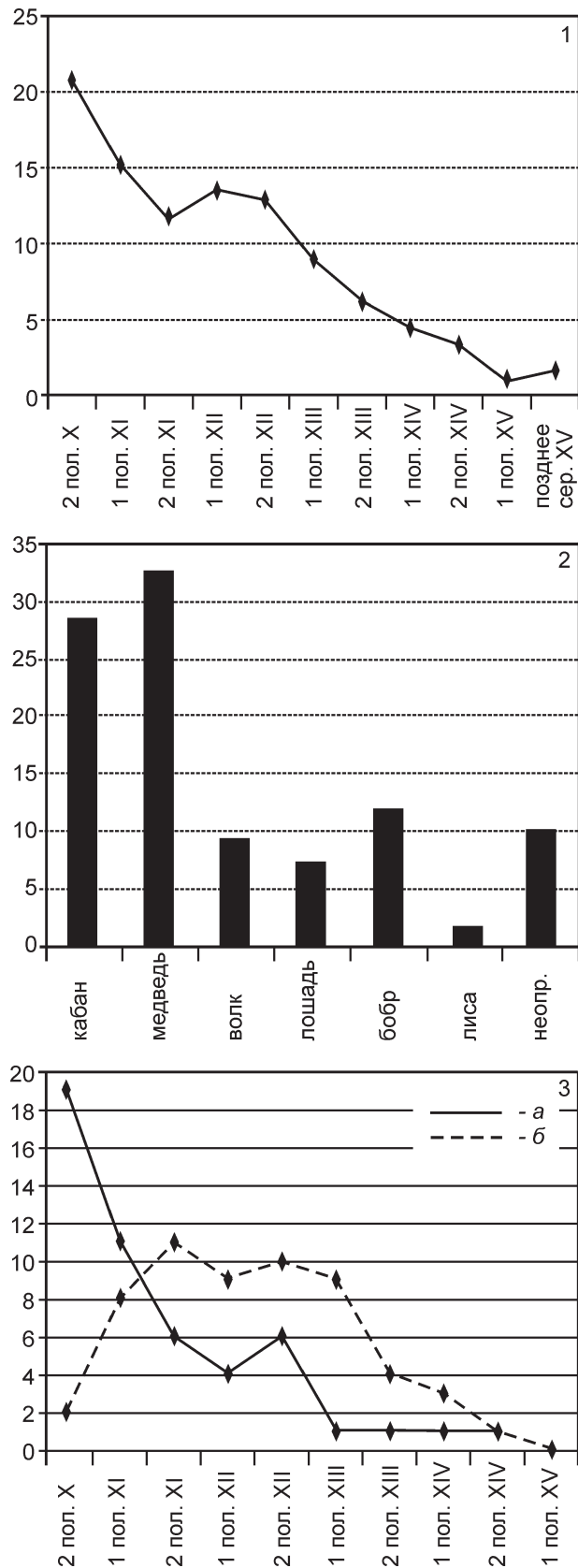

Рис. 1. 1 — хронологическое распространение амулетов из зубов и костей животных в культурном слое Новгорода; 2 — фаунистический состав новгородских амулетов из зубов и костей животных; 3 — сравнительная хронология «кабаньих» и «медвежьих» амулетов в культурном слое Новгорода (а — «кабаньи» амулеты; б — «медвежьи» амулеты)

Fig. 1. 1 — chronological distribution of amulets from teeth and bones of animals throughout the cultural levels of Novgorod.; 2 — faunal composition of Novgorod amulets from animal teeth and bones; 3 — comparative chronology of and «bear» amulets at the cultural levels of Novgorod (a — «boar» amulets; б — «boar» amulets)

эпоху. Такое наблюдение заставляет иначе посмотреть на семантику средневековых амулетов из зубов и костей животных. Не отрицая ее генезиса, восходящего к тотемизму, сложно предположить прямую связь их довольно широкого распространения и использования в средневековом городе с пережитками этой формы первобытной религии. Новгородцы, на усадьбах которых были обнаружены амулеты из зубов и костей того или иного животного, вряд ли имели представление о нем как о родоначальнике. Поэтому, говоря о семантике этих магических предметов в средневековом Новгороде, следует иметь в виду некое переосмысление их значения.

Классифицировавшая славянский оберег Е. Е. Левкиевская рассматривала семантику звериных клыков и когтей более широко, относя их к категории оберегов отгонно-поражающей магии, предполагающей нанесение противнику предупредительного магического удара. Автор ставит клыки и когти в один ряд с набором колющих и режущих предметов, а также колючих и едких растений, обладавших теми же магическими свойствами (Левкиевская, 2002. С. 73–79). В целом это наблюдение согласуется и с новгородским набором амулетов. Отгонно-поражающие свойства приписывались, прежде всего, клыкам зверей, служившим основным орудием нападения и уничтожения противника. Именно они в подавляющем большинстве используются в качестве амулетов. Эта часть семантики, возникшая в тотемистическую эпоху, могла сохраняться и бытовать и в периоды, хронологически отдаленные от родоплеменного строя. При этом магические свойства звериного клыка как защищающего его носителя от опасности уже не были связаны с представлениями о предке-тотеме. Гораздо реже в новгородских материалах встречаются резцы и моляры хищников, а также амулеты из костей. Говоря об общем семантическом значении звериных клыков, нельзя упускать из виду и их специфические отличия от других колюще-режущих или жгучих апотропеев, использовавшихся в отгонно-поражающей магии. При определении семантики амулетов из звериных клыков в средневековье следует учитывать, что культ некоторых животных (медведя, волка, кабана и пр.) находился в системе мифологических представлений различных народов Европы и был связан с теми или иными языческими божествами. Такой амулет мог носиться как знак покровительства со стороны данного божества и быть напрямую связан с теми функциями, которыми

это божество наделялось. Кроме того, отгонно-поражающей семантики не имели амулеты из резцов, моляров и костей, и эти предметы, очевидно, носились с другой магической целью. В связи с этим особенно важным становится анализ фаунистического состава зубов и костей, из которых изготавливали амулеты.

В новгородском культурном слое встречены амулеты из зубов и костей шести видов животных.³ Это — медведь, кабан, бобр, волк, лошадь и лиса (рис. 1, 2). Внутри этих шести групп можно выделить отдельные подвиды амулетов, в зависимости от того, из каких именно частей тела этих животных их изготавливали. Так большинство медвежьих амулетов изготавливалось из клыков этого зверя (рис. 2, 1–4), в единичных экземплярах встречены амулеты из резцов, моляров (рис. 2, 5–6), а также когтей медведя (рис. 2, 7–8). Кабаны амулеты представлены преимущественно нижними клыками самцов — бивнями (рис. 2, 12–15). Редкими находками являются амулеты из клыков самок (рис. 2, 9–11) и резцов (рис. 2, 16–18) кабана. Для изготовления амулетов, связанных с волком и лисой, использовались исключительно клыки этих зверей (рис. 2, 19–22, 23–24). Бобр в составе новгородских амулетов представлен таранными костями и, в редких случаях, резцами (рис. 2, 25–30). И наконец, лошадь — амулетами из тарзальных и карпальных костей ног (рис. 2, 31–34). Более 60% от общего количества составляют кабаны и медвежьих амулеты, что согласуется с ранее произведенными наблюдениями над амулетами Троицкого раскопа (Тянина, 2009. С. 382–385). Фаунистический состав амулетов в целом демонстрирует ограниченный круг представителей фауны, зубы и кости которых использовались в этом качестве. Это указывает, во-первых, на некий осмысленный подход новгородского средневекового населения к изготовлению и ношению этой категории оберегов, во-вторых, на различия в семантическом значении амулетов, изготовленных из зубов и костей разных видов животных.

Наибольшее количество амулетов (около трети), найденных в культурном слое Новгорода, связано с медведем. Вместе с тем медвежьих амулеты имеют и наиболее широкое топографическое рас-

³ Остеологический анализ 114 амулетов был произведен научным сотрудником лаборатории археологических технологий ИИМК РАН Н. Д. Буровой в рамках гранта РФФИ № 10-06-00164а. Автор статьи выражает Н. Д. Буровой свою благодарность.

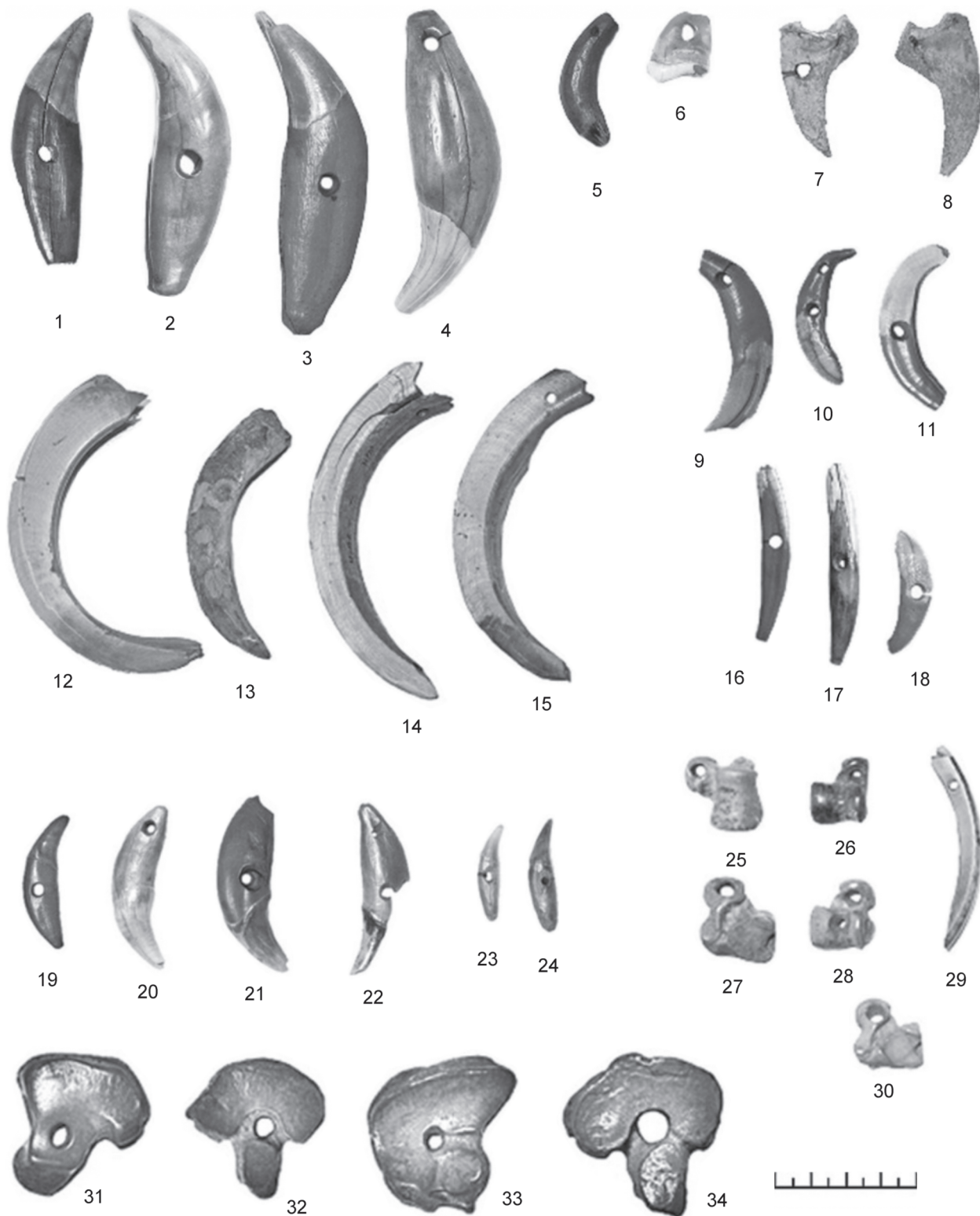

Рис. 2. Виды амулетов:

1–4 — клыки медведя; 5–6 — зубы медведя; 7–8 — когти медведя; 9–11 — клыки самок кабана; 12–15 — клыки самцов кабана; 16–18 — резцы кабана; 19–22 — клыки волка; 23–24 — клыки лисицы; 25–30 — таранные кости и резец бобра; 31–34 — кости лошади

Fig. 2. Types of amulets:

1–4 — bear fangs; 5–6 — bear teeth; 7–8 — bear claws; 9–11 — fangs of wild sows; 12–15 — fangs of wild boars; 16–18 — incisors of wild boars; 19–22 — wolf fangs; 23–24 — foxes' fangs; 25–30 — astragali and an incisor of beavers; 31–34 — horse bones

пространение: они найдены на 11 раскопах из 12. Анализ хронологии бытования медвежьих амулетов (рис. 1, 3) выявил неожиданную для предметов языческого культа картину. Они практически отсутствуют в слое второй половины X в., то есть собственно в языческий период (в этих слоях встречено всего 2 экземпляра). Пик их популярности падает на XI—первую половину XIII вв. В этот период интерес к ним выглядит довольно устойчивым, не обнаруживая спада ни в середине, ни в конце XI в., которые можно было бы связать с христианизацией. Лишь к середине XIII в. их количество начинает сокращаться в соответствии с общим хронологическим графиком амулетов из зубов и костей животных.

Почитание медведя было распространено с древнейших времен практически во всем ареале обитания этого зверя. Он наделялся антропоморфными чертами, символикой плодородия, здоровья и силы. Согласно польским, севернорусским и белорусским поверьям медведь способен устрашать нечистую силу, к медведю обращаются в заговорах от болезней, сглаза и всякой нечисти (Славянские древности, 2004. С. 211—213). В этнографических материалах медведь выступает как животное, распознающее и снимающее порчу и сглаз. С целью изгнания порчи в дом или на скотный двор могли помещать части тела медведя, при помощи «вождения медведя» утихомиривали либо изгоняли со двора «шалящего» домового или дворового духа (Гура, 1997. С. 165; Воронин, 1941. С. 169—173). В язычестве славян культ медведя был связан с Велесом (Рыбаков, 2002. С. 407—410), который считался покровителем скота и богатства. Связь медведя со «скотным богом» Велесом сохранилась в некоторых приемах скотоводческой магии, направленной как на отгон болезней и порчи, так на увеличение приплода (Воронин, 1941. С. 169; Гура, 1997. С. 165), а также в связи культа медведя с культом св. Власия, заместившего языческого Велеса в христианскую эпоху (Воронин, 1941. С. 151—155). Почитание медведя в «народном православии» сохранилось и в мотиве чистоты и божественности медведя, выступающего в качестве «лесного священника» или как орудие Божьей кары (Гура, 1997. С. 159; Славянские древности, 2004. С. 211—212).

Исходя из вышесказанного, амулет из клыка медведя мог сочетать в себе сразу несколько функций. Он играл роль отгонно-поражающего апотропея, защищающего от нечистых духов, порчи и сглаза. Одновременно амулеты из зубов медведя могли иметь и благопожелательную символику и

должны были приносить обладателю здоровье, силу, а также способствовать увеличению достатка. При этом если для амулета из медвежьего моляра или резца можно предположить преимущественно благопожелательную семантику, то клык медведя являлся «универсальным» амулетом, сочетавшим в себе как отгонно-поражающее, так и благопожелательное свойство. Вопрос об отсутствии медвежьих амулетов в новгородском слое X в. пока остается открытым и может быть решен лишь на основе сравнительного анализа новгородского материала с материалами других древнерусских городов Северо-Запада, а также новгородской округи.

Отдельно следует сказать о находках амулетов из медвежьих когтей. Этот тип амулета, широко распространенный в погребальных памятниках Восточной Европы, в Новгороде встречен лишь в 2 экземплярах. Однако это находит реальное объяснение в магическом значении этого вида амулетов. Амулет из когтя медведя составляет семантическое единство с другой известной категорией культовых предметов — глиняными «медвежьими лапами», которые известны как по финно-угорским, так и по славянским погребениям IX—XI вв. Н.Н. Воронин относил глиняные лапы исключительно к погребальному культу, справедливо отмечая, что такие предметы вряд ли могли носиться при жизни (Воронин, 1941. С. 162—166). При этом, по мнению А. С. Уварова, семантика глиняных лап и когтей медведя в погребальном культе была связана с конкретными представлениями о «мировой горе», на которую душа с их помощью забиралась после смерти (Уваров, 1872. С. 700—703). Такое представление зафиксировано средневековыми письменными источниками и в язычестве балтов (ПСРЛ. 1975. Т. 32. С. 31). Согласно данным летописей Великого княжества Литовского, в погребальный костер литовца клались медвежьи и рысьи когти, чтобы с их помощью душа умершего могла взобраться на крутую гору Анапилис, где находилось жилище богов. Это предание хорошо согласуется и с частыми находками в погребениях XIII—XV вв. на территории Латвии, Литвы и Восточной Пруссии амулетов из медвежьих когтей в бронзовой оправе, которые практически неизвестны по материалам поселений этого времени (Svetikas, 2009. Р. 171—200). Все это позволяет предположить, что когти медведя в рассматриваемое время были атрибутом прежде всего погребального культа, и этим объясняется исключительность их находок на новгородских жилых усадьбах.

Амулеты из клыков и резцов кабана, составляя чуть больше четверти от всех амулетов рассматриваемой категории, имеют ограниченное распространение в топографии Новгорода, по сравнению с амулетами из зубов медведя. Из 12 раскопов кабаны амулеты найдены только на 5: Троицком, Неревском, Федоровском, Дмитровском и Ильинском, при этом 70% находок происходит с Троицкого раскопа. График хронологического распространения кабаньих амулетов также существенным образом отличается от хронологии медвежьих амулетов (рис. 1, 3). Основная их масса происходит из слоя второй половины X—первой половины XI в. Начиная со второй половины XI в. наблюдается резкое падение количества этого вида амулетов, а в XII—XIV вв. находки кабаньих амулетов единичны. Исключение составляют 4 находки второй половины XII в. с Неревского раскопа. Они происходят из одного пласта и квадрата и, возможно, составляли единый комплекс.

Семантика амулетов из клыков кабана в Новгороде не вполне ясна. Их широкое распространение в языческое время должно свидетельствовать о традиционном культе. Но в язычестве славян культура кабана не зафиксирована. В свою очередь, в поздних этнографических материалах данная тематика связана уже исключительно с домашней свиньей и имела благожелательную направленность. Свинья считалась символом плодородия и была у славян традиционным блюдом на рождественском столе (Славянские древности, 2009. С. 575). Полное отсутствие следов культа дикого кабана у славян вряд ли свидетельствует о том, что именно эта традиция была начисто забыта с введением христианства. Это наглядно демонстрирует поздний этнографический материал, связанный с другими представителями фауны, в частности, с медведем и волком.

В связи с вышесказанным в популярности амулетов из клыков кабана в ранний период, возможно, следует видеть скандинавское культурное влияние. В Скандинавии культ вепря был широко распространен и связан с почитанием одного из главных языческих божеств — бога плодородия Фрейра. Пик бытования амулетов из кабаньих клыков и резцов хронологически совпадает со временем наиболее тесных контактов Новгорода со Скандинавией, в частности, присутствия варягов в составе дружин новгородских князей, фиксированного в летописях до середины XI в., когда со смертью Ярослава Мудрого эти связи теряют интенсивность. Нужно отметить также то, что хронология распространения амулетов из ка-

баньих клыков и резцов в Новгороде совпадает с хронологией скандинавских языческих древностей из цветного металла на территории Руси, выявленной в исследовании Г. Л. Новиковой (Новикова, 1992. С. 18–20). Популярность этого амулета у новгородцев могла быть связана с общими представлениями об отгонно-поражающих свойствах кабаньего клыка, которые наложились на семантику образа домашней свиньи как символа плодородия и достатка. Со снижением интенсивности контактов, совпавшим с процессом христианизации, этот тип оберега быстро утрачивает свое значение и в дальнейшем его используют крайне редко. Во всяком случае, резкое падение количества амулетов из клыков кабана в середине XI в. нельзя объяснить одним лишь усилением влияния христианства, коль скоро амулеты из зубов медведя продолжают пользоваться популярностью.

Амулеты из клыков волка являются редкой находкой в Новгороде, всего их найдено 18. Но, несмотря на редкость, этот тип амулета встречается практически весь рассматриваемый период, со второй половины X по вторую половину XIV вв. Топографический анализ также показывает некий разброс: просверленные волчьи клыки найдены на 4 раскопах в 4 концах средневекового города.

Образ волка в славянском фольклоре и мифологии наделен ярко выраженной хтонической символикой, он традиционно является медиатором, посредником между мирами живых и мертвых. Его образ связывают с умершими предками, колдунами и оборотнями. С одной стороны, известна разнообразная охранительная обрядность, направленная на защиту скота от волков, с другой — унесенная волком добыча считалась жертвой божеству или умершим предкам, поэтому ее запрещено было отнимать (Гура, 1997. С. 122, 143–144). В «народном православии» этот хищник оказывается в тесной взаимосвязи с образом св. Юрия, считавшегося пастырем и покровителем волков: «что у волка в пасти, то Юрий дал» (Славянские древности, 1995. С. 415). Для определения семантики амулетов из волчьих клыков важен также образ волка в вербальной отгонно-поражающей магии, где он выступает в качестве зверя, истребляющего либо отпугивающего нечистую силу: чертей, заложенных покойников, вампиров, ведьм. Это, безусловно, выдвигает на первый план отгонно-поражающую семантику волчьего амулета. Нужно также отметить, что волчьи зубы, когти и шерсть имели еще одно своеобразное магическое значение. Они нередко выступают в качестве мла-

денческих и детских апотропеев. На Руси их привешивали к колыбели «от сглаза», в белорусском Полесье вешали на шею ребенку от «босорки» — злого духа-оборотня, который ночью пугал детей до истощного крика. Волчий зуб давали грызть детям либо вешали им на шею, когда у них резались зубы (Левкиевская, 2002. С. 79; Славянские древности, 1995. С. 416–417). Какую конкретно семантику имели найденные в Новгороде амулеты из волчьих клыков, достоверно установить нельзя. Однако редкость их использования, по сравнению с амулетами из клыков медведя, в сочетании с широким хронологическим разбросом найденных предметов, указывает на некую специфику, особый случай, требовавший применения именно этого апотропея.

В отличие от вышеприведенных видов амулетов, просверленные кости лошади, находимые на новгородских усадьбах, нельзя было однозначно толковать как культовые предметы. Просверленные астрагалы домашних животных часто выступали в качестве игральных бабок и не имели отношения к язычеству. Отнести эту незначительную категорию предметов к культовым позволила находка на Троицком раскопе «комбинированного» амулета (рис. 3, 2). На кольце из свинцово-оловянистого сплава были найдены 2 предмета: клык (вероятно, медвежий) и просверленная тарзальная кость лошади. Магическое предназначение этого предмета, датируемого второй половиной XII в., не вызывает сомнений, что позволило отнести и остальные просверленные кости лошади не к игральным бабкам, а к предметам языческого культа. Таких амулетов всего 15, они найде-

ны только на Троицком, Неревском и Федоровском раскопах. Хронологический разброс находок так же широк, как и у клыков волка, они встречаются в пределах X–XIV вв. Но при этом треть амулетов происходит из слоев второй половины XIII в. При небольшом общем количестве этого типа амулетов такое наблюдение, однако, показательным тем, что оно согласуется с данными по некоторым другим категориям предметов языческого культа. Прежде всего, это касается полых шумящих коньков-амулетов, в основе семантики которых также лежит образ коня. Пик их распространения падает на вторую половину XIII–начало XIV в. (Покровская, 2006. С. 108).

О распространении культа коня в славянском язычестве хорошо известно. В мифологии конь выступает как солнечный символ, в бытовой магии — как основной оберег дома, тесно связанный с верой в домового духа (Криничная, 2004. С. 96–101). Эта семантика коня, связанная с жилищем, безусловно, имеет древние корни. В Новгороде по археологическим данным хорошо известны «строительные жертвы» — ритуальные захоронения конских черепов под нижними венцами построек (Седов, 1957. С. 20–27). Семантика изображений коня на русских избах носила благопожелательный характер, направленный на плодородие, домашнее благополучие и увеличение достатка. Личные обереги, изготовленные из костей коня, должны были иметь то же значение. Не исключено также, что в качестве амулетов использовались кости не любой лошади, а коня, приносимого в жертву при исполнении каких-либо ритуалов (например, строительной жертвы). Именно такой конь считался священным, и его части, не использовавшиеся в основном ритуале, могли приносить обладателям благополучие и удачу. Таким образом в «комбинированном» обереге XII в. сочетается кость лошади, имеющая ярко выраженный благопожелательный характер, и клык, связанный с отгонно-поражающей магией.

Амулеты из таранных костей и резцов бобра встречены лишь на Троицком и Неревском раскопах, и, за редким исключением, в слоях второй половины X–первой половины XI в. Всего их найдено 23 экземпляра, но в это число входит комплекс из 9 таранных костей бобра (рис. 3, 1), найденный на усадьбе II Троицкого раскопа в слое второй половины X в. Такие «ожерелья» из бобровых астрагалов встречались в финно-угорских женских погребениях (Голубева, 1997. С. 157). В научной литературе господствует гипотеза о финно-угорской принадлежности этого типа амулетов, а

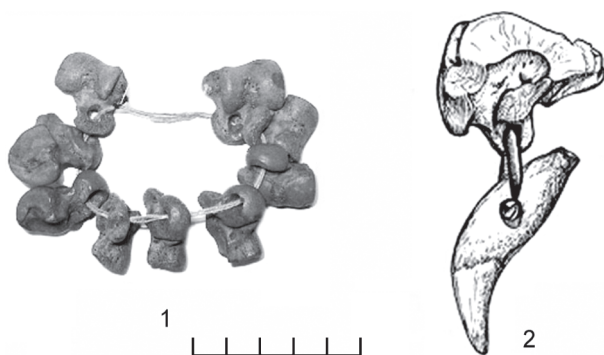

Рис. 3. Наборы амулетов с Троицкого раскопа: 1 — набор амулетов из таранных костей бобра (9 экз.); 2 — клык и кость лошади на кольце из свинцово-оловянистого сплава

Fig. 3. Assemblages of amulets from Troitsky Excavation: 1 — assemblage of amulets from astragali of beaver (9 specimens); 2 — horse fang and bone on a ring from lead-tin alloy

также о связи их с людьми, занимавшимися бобровым промыслом (*Матехина*, 2008, С. 193; *Голубева*, 1997, С. 157). Последнее находит подтверждение в новгородских материалах. Согласно результатам остеологических исследований, находки костей бобра в новгородском культурном слое приходятся на вторую половину X—первую половину XI в. (*Матехина*, 2008, С. 194), что совпадает с датировкой этого типа апотропеев. Поэтому наиболее вероятно, что основная часть бобровых амулетов в Новгороде была связана именно с промысловиками-бобровниками, а найденный на Троицком раскопе комплекс по аналогии с погребениями следует относить к финно-угорским древностям. В славянской этнографии образ бобра представлен слабо. Он, как и некоторые другие пушные звери, имел эротическую и брачную символику, вместе с тем в образе бобра, связанного с водной стихией, проступают хтонические черты и связь с водяным (*Славянские древности*, 1995, С. 199—200).

Наиболее редким типом среди оберегов в Новгороде являются амулеты из клыков лисицы. Их найдено всего 3 экземпляра. Редкость этого типа амулетов вполне соответствует весьма слабому отражению образа лисицы в мифологических поверьях и обрядах славян. Это животное известно лишь в позднем фольклоре, где оно выступает как женский брачный символ или как олицетворение хитрости (*Славянские древности*, 2004, С. 115). Одновременно лиса является традиционным объектом отгонно-поражающей магии, направленной на защиту домашней птицы (*Левкиевская*, 2002, С. 80—93). Подтверждением существования подобных магических ритуалов в языческое время в Новгороде служит находка на Троицком раскопе жертвенной ямы, содержащей ритуальное захоронение черепа лисицы (*Тянина*, 2010, С. 151—158). В лечебной магии части тела лисы (череп, язык, хвост) использовались для лечения некоторых заболеваний (*Славянские древности*, 2004, С. 117). Возможно, амулет из клыка этого животного имел ту же апотропеическую символику либо был связан с промыслом этого зверя. В любом случае, этот тип амулета не пользовался популярностью у средневекового населения Новгорода.

Таким образом, на основе анализа материалов можно установить, что амулеты из зубов и костей животных являлись одной из распространенных категорий языческих культовых предметов в средневековом Новгороде, являющихся личными апотропеями. Они бытуют на всем протяжении исследуемого периода, однако пик их распространения падает на период до середины XI в., что

согласуется с общей тенденцией распространения в Новгороде предметов языческого культа. Среди амулетов из зубов и костей животных встречаются предметы, связанные как с отгонно-поражающей, так и с благопожелательной магией. Некоторые амулеты сочетали и ту и другую функции, кроме того, новгородцы могли носить наборы амулетов с разным магическим предназначением. Ограниченный круг представителей фауны, из зубов и костей которых изготавливались амулеты, указывает на то, что средневековые новгородцы не утратили представлений о семантике этих предметов. На это указывает и факт, что основные виды животных, кости или зубы которых использовались в качестве амулетов, известны по данным фольклора, народной медицины и мифологии славян либо соседних народов. Поздние этнографические материалы свидетельствуют, что культ некоторых животных, прежде связанный с тем или иным языческим божеством, оказался тесно переплетен с культом христианских святых, заместивших этих богов. И есть основания предполагать формирование этой синкретической связи уже в средневековую эпоху, чем отчасти объясняется использование амулетов из зубов и костей в христианское время. Зубы и кости различных животных, безусловно, имели отличия как в семантическом значении, так и в магическом применении. Об этом свидетельствуют различия как в количестве, так и в хронологии и топографии разных видов амулетов. Наибольшей популярностью в ранний период (вторая половина X—первая половина XI в.) пользовались амулеты из клыков кабана, в более позднее время (первая половина XI—середина XIII вв.) — из клыков медведя — животных, не только обладающих значительной силой и ловкостью, но и наиболее почитаемых у разных народов Северной Европы и связанных с культурами языческих богов.

Воронин, 1941 — *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // *Этногенез восточных славян*: М.; Л., 1941. Т. 1 (МИА. № 6).

Голубева, 1997 — *Голубева Л. А.* Амулеты // *Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура*. М., 1997.

Гура, 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции М., 1997.

Криничная, 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004.

Левкиевская, 2002 — *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

Матехина, 2008 — *Матехина Т. В.* Археологические находки из необычной кожи // *Новгород и Новгородская Зем-*

- ля. История и археология. Великий Новгород., 2008. Вып. 22.
- Новикова, 1992 — Новикова Г. Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси (культовые предметы: типология и хронология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1992.
- Покровская, 2006 — Покровская Л. В. Привески-амулеты средневекового Новгорода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2006.
- ПСРЛ, 1975. Т. 32 — ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). М., 1975. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца.
- Рыбаков, 2002 — Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 2002.
- Седов, 1957 — Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИА. М., 1957. № 58.
- Славянские древности, 1995, 2004, 2009. — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1; М., 2004. Т. 3; М., 2009. Т. 4.
- Тянина, 2009 — Тянина Е. А. Амулеты из зубов животных Троицкого раскопа Людина конца средневекового Новгорода (хронология и топография) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2009. Вып. 23.
- Тянина, 2010 — Тянина Е. А. Жертвенная яма X в. на Троицком раскопе (раскопки 2009 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2010. Вып. 24.
- Уваров, 1872 — Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
- Svetikas, 2009 — Svetikas E. XIV a. pabaigoje — XV a. amuleta iš ap-laustyto lokio nago lietuovs didžioje kunigaikštysteje ir kaimyniniuose kraštuose // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2009. T. 34.

Amulets Made from Animal Teeth and Bones in Mediaeval Novgorod

E. A. Tyanina

Talismans made from teeth or claws of animals are one of the most ancient types of personal amulets. Their appearance is commonly linked with totemism. However, the use of that category of amulets long outlived the primeval social order and the forms of its Weltanschauung. This fact is suggested by numerous finds from the cultural levels of mediaeval sites. Amulets of the type in question are found among the Novgorod archaeological materials from all districts of the mediaeval city. Their greatest numbers have been reported from the Lyudin End (Troitsky Excavation). They are dated to all chronological phases from the second half of the 10th to the second half of the 15th century. However, the chronological curve of their distribution tends to decrease from the earliest layers to the later ones as is characteristic for the majority of other objects linked with the heathen cult. Practically all of the amulets have suspension holes for wearing, suggesting their belonging to personal apotropaioi. In the Novgorod cultural layer, amulets made from teeth and bones of only six animal species are found. These are wild boar, bear, beaver, wolf, horse and fox. The predominant numbers of the amulets were made from fangs, the incisors being more uncommon, while molars or claws are rare specimens. Beaver and horse are represented exclusively by amulets made from foot bones. Among the most popular were amulets made from fangs of boar and bear, their quantity amounting to about two thirds of all the amulets unearthed. The species of fauna from teeth and bones of which the amulets were made suggest that the mediaeval Novgorodians even in the Christian times, as like as in the pagan period, had not forgotten the semantics of these objects. All

animal species mentioned are well represented in the folklore, popular medicine and ethnography of the East Slavs. Moreover, the cult of some animals (bear, wolf, horse) was within the system of mythological notions of the Slavs and was linked with some or other pagan deities. The semantics of the amulets may have been influenced by the pre-Christian mythology of neighbouring peoples. Indeed, the peak of distribution of amulets made from wild boar fangs coincides with the period of the most intensive contacts of Novgorod with the Scandinavians among whom the cult of this animal was very widespread. The bones and teeth of different animals may have differed both in semantic terms and in their magic application. The fangs of animals must be attributed to the category of talismans of repelling-striking magic. Moreover, fangs of boars and bears may have had also an additional beneficial function since these animals in the heathen notions were linked with richness and fertility. Exclusively good-wishing function belonged to amulets made from bones of horse and beaver.

The composition, distribution and semantics of amulets made from teeth and bones of animals in mediaeval Novgorod suggest that these objects were no remnants of totemism, the notions of which having been already lost. Seemingly we are dealing with a reinterpretation of an ancient tradition that had been an indispensable part of the heathen mediaeval culture. The use of this category of amulets continued also to the Christian times and their final disappearance from the urban culture of Novgorod took place only in the late Middle Ages.